

ее частях — ветхозаветной и новозаветной, вошла в учение о мироздании, изложенное в Шестодневе, где ум поставлен в человеке выше всех способностей: «Тело бо воин есть, а ум кнез и царь».⁵² Самая фразеология отрывка, где Даниил хвалит свой ум, выдает литературный образец автора: «Бых мыслию паря», — говорит Даниил, так же как автор Шестоднева советует читателю: «Мыслию пари . . . на высь и разумное».

Известно было в литературе и сопоставление движения мысли с полетом орла. В поучении Кирилла Философа читаем совет: «Полетай мыслию аки орел по воздуху». В одном из «слов» Климента Словенского Макарий Римский изображается так: «Бе бо ун телом, а умом стар и высок мыслью, летая мыслью под небесем яко орел».⁵³ В последней цитате то же, что в словах Даниила Заточника, противопоставление юного возраста зрелому уму.⁵⁴ Продолжая восхвалять ум, Заточник в редакции XIII в. утверждает уже, что ум дороже и храбрости. В порыве откровенности он признается: «Аще есми на рати не велми храбр, но в словесех крепок; тем, збирая храбрыя, и совокупляи смысленя . . . Умен муж не велми бывает на рати храбр, но крепок в замыслех; да тем собирати мудрые» («Слово» Даниила Заточника, стр. 57, 58). Изречениями из Библии, из Повести об Акире Премудром и других литературных источников Заточник доказывает преимущества «мужа мудра» перед «безумным». Исторический смысл этих призывов к князю «сбирати мудрых и храбрых, но мудрым «нищим» отдавать предпочтение перед «безумными» знатными и богатыми раскрывает Б. А. Романов (стр. 29—30), связывая их с общественными отношениями и борьбой внутри класса феодалов в XII—XIII вв. Литературовед не может не обратить внимания на то, что эти призывы оформлены средствами фразеологии учительной литературы и подкреплены таким образом ее авторитетом. В обстановке, когда, по словам Заточника, «богат мужь везде знаем есть, и на чужие стране друзи держить, а убог во своей ненавидим ходить. Богат възглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогий възглаголеть — вси на нь кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна» («Слово» Даниила Заточника, стр. 11), большой смелостью было убеждение Заточника, что в человеке надо ценить не «внешняя», а «внутренняя», что среди способностей человека самая необходимая — мудрость. Ту же «сладость словесную», какой Заточник пользуется в описании личных переживаний, применил он в создании примерного облика мудрого князя — «доброего господина» («Слово» Даниила Заточника, стр. 19—20). Этот князь, по определению Б. А. Романова, «мыслится в масштабах одного города, отнюдь не всей „Русской земли“: «истинной пружиной княжеской политики и поведения у Заточника оказываются „думци“, советники: „князь не сам впадает в вещь, но думци вводят“, как и корабли топят не море, а ветры. А главное, предмет этой политики и стимул этого поведения — всего только добывание столов в феодальной войне между отдельными группами разросшейся Рюриковой династии: „З добрым бо думцею думая, князь висока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть“» (Романов, стр. 21—22).

⁵² Шестоднев, составленный Иоанном, ексархом болгарским по харатейному списку Московской синодальной библиотеки. — ЧОИДР, М., 1879, кн. 3, л. 212.

⁵³ Цит. по кн.: Акад. Володимир Перетц. «Слово о полку Игоревім». У Київі, 1926, стр. 138.

⁵⁴ Подробнее историю метафоры «полет мысли» см.: В. П. Адрианова-Перетц. Из истории русской метафорической стилистики. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971, стр. 28—35.